

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.746-769>

EDN: DHGSJD

УДК 930.23[94(47).041+94(47).042]

КАЗАНСКАЯ ЦАРИЦА КАРАКУШ В ИСТОЧНИКАХ И ИСТОРИОГРАФИИ

Л.Н. Аряев

Независимый исследователь

Зальфельд, Германия

l.aryayev@yandex.ru

Резюме. Цель исследования: дать обзор сведений о казанской царице Каракуш, содержащихся в синхронных аутентичных источниках, и проследить развитие ее образа в позднейших источниках и историографии.

Материал исследования: русские летописи XV–XVI вв., Посольские книги по связям России с Крымским ханством и Ногайской ордой, важнейшие историографические работы, посвященные московско-казанскому конфликту 1505–1507 гг.

Результат исследования и научная новизна: Известия русских летописей о Каракуш в целом согласуются между собой, хотя и восходят к четырем независимым друг от друга летописным традициям (великокняжеской, «оппозиционной», тверской и устюжской). Наряду с посольскими книгами летописи дают достоверную, но крайне скучную информацию о Каракуш. Отцом ее был ногайский мурза Ямгурчи. Выданная замуж за казанского царя Ильхама, она вместе с ним в 1487 году после первого казанского взятия была приведена пленницей в Москву, а затем сослана в заточение в Вологду. Ее отец настойчиво добивался у Ивана III ее освобождения. Каракуш была выдана замуж за Мухаммед-Амина после его вторичного воцарения в Казани в 1502 г. Содержащиеся в «Казанском летописце» и дополненные в «Истории Российской» В.Н. Татищева сведения о важной роли Каракуш в развитии московско-казанского конфликта 1505–1507 гг. получили широкое распространение в историографии. Однако, как показано в данной работе, рассказ «Казанского летописца» о событиях 1505 года составлен более полувека спустя, он не подтверждается другими источниками и сконструирован на основе библейского нарратива о царице Иродиаде. Таким образом, известие о «нашептываниях» царицы, побудивших Мухаммед-Амина выступить против Ивана III, является художественным вымыслом и не может считаться исторически достоверным.

Ключевые слова: Казанское ханство, Каракуш, русские летописи, посольские дела, Ногайская орда, «Казанский летописец», В.Н. Татищев, историография, московско-казанский конфликт 1505–1507 гг.

Для цитирования: Аряев Л.Н. Казанская царица Каракуш в источниках и историографии // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 746–769. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.746-769> EDN: DHGSJD

© Аряев Л.Н., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Благодарности: выражают признательность к.и.н. М.А. Несину за важные указания касательно летописных датировок событий 1487 г.

THE KAZAN TSARINA KARAKUSH IN SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

L.N. Aryayev

Independent Researcher

Saalfeld, Germany

l.aryayev@yandex.ru

Abstract. Objective: A review of the information about the Kazan queen Karakush contained in synchronous authentic sources; a consideration of the transformation of her image in later sources and historiography.

Research materials: Russian chronicles of the 15th–16th centuries; embassy books on Russia's relations with the Crimean Khanate and the Nogai Horde; the most important historiographical works on the Moscow-Kazan conflict of 1505–1507.

Research results and scientific novelty: The pieces of information in the Russian chronicles about Karakush generally agree with each other, although they go back to four independent chronicle traditions (grand ducal, “oppositional”, Tver, and Ustyug). Together with the embassy books, the chronicles provide reliable but extremely sparse information about Karakush. Her father was the Nogai Murza Yamgurchi. She was married to the Kazan King Ilham and was taken prisoner with him to Moscow in 1487 after the first conquest of Kazan and then exiled to Vologda. Her father urged Ivan III to grant her release. Karakush was married to Muhammad-Amin in 1502 after his second accession to the throne in Kazan. Information about the important role of Karakush in the development of the Moscow-Kazan conflict of 1505–1507, contained in the “Kazan Chronicler” and supplemented in “Russian History” by V.N. Tatishchev, is widespread in the historiography. However, as demonstrated in this present article, the story of the “Kazan Chronicler” about the events of 1505 was compiled more than half a century later, and is not confirmed by other sources, being based on the biblical story about Queen Herodias. Thus, the story about the queen's “inspirations” that caused Muhammad-Amin to turn against Ivan III is a purely literary narrative and cannot be considered historically reliable.

Keywords: Kazan Khanate, Karakush, Russian chronicles, embassy books, Nogai Horde, “Kazan Chronicler”, V.N. Tatishchev, historiography, Moscow-Kazan conflict 1505–1507

For citation: Aryayev L.N. The Kazan Tsarina Karakush in Sources and Historiography. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 746–769. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.746-769> (In Russian)

Acknowledgments: I would like to express my gratitude to Cand. Sci. (History) M.A. Nesin for important information regarding the chronicle dating of the events of 1487.

Каракуш, дочь ногайского мурзы Ямгурчи, супруга двух казанских ханов (в русских источниках называемых царями) – Ильхама и Мухаммед-Амина – неоднократно упоминалась как в современных и хронологически близких к ней источниках, так и в исторических работах. Устойчивая историографическая традиция, восходящая уже к «Казанскому летописцу», приписывает ей существенную роль в развязывании московско-казанского конфликта

1505–1507 гг. Даваемые ей оценки – от «прелуковой змеи» [32, с. 228] до «патриотки казанской земли» [64, с. 148] – ощутимо зависели от веяний времени и от идеологических установок. При всей популярности образа Каракуш, ей практически никогда не посвящали отдельных работ. Предлагаемая статья представляет собой попытку дать обзор источников, содержащих сведения о «царице алегамовской», а также в общих чертах проследить, каким образом данные этих источников преломлялись в научной историографии.

Знатное происхождение и высокое социальное положение Каракуш обусловили внимание к ней со стороны русских летописцев. Лишь некоторые летописи, например, Ермолинская, сообщая о взятии Казани в 1487 г. и пленении казанского царя, ничего не упоминали о его «царице» [37, с. 195]. В тех же сводах, которые отразили официальное московское велиkokняжеское летописание, сообщается о приводе казанской царицы, супруги Ильхама, в Москву, и о последующем ее заточении вместе с мужем в Вологде. В Сокращенном своде 1493 г. читается:

«В лето 6995. То же весны, апреля 11, отпустил князь велики Иван Васильевич всяя Руси воевод своих х Казани, князя Даниила Дмитриевича Хольмского, да князя Александра Васильевича Оболенского, да князя Семена Ивановича Ряполовского, да князя Семена Романовича, в четверток в велики. А царя Махмет-Аминя Казанского отпустил князь велики на другой недели по Велице дни в вторник, Априля 24. А пришли воеводы великого князя и з силою под город под Казань месяца маи в 18 день, в четверток на 5 недели по Велице дни, и взяша город Казань июля в 9 день, и царя Алегама Казанского изымаша с материю и с его царицаю, и с двемя браты и з сестрою и с его князьми, и приведоша их на Москвоу. Того же лета, июля в 20, приде весть великому князю, что город Казань взяли его воеводы и царя полонили, а пригонил с тою вестью князь Федор Хрипоун Ряполовски. И князь велики Иван Васильевич всяя Роуси царя Махмет-Яминя из своей руки поставил на царство в Казани; а коромолных князеи и уланов казанских смертию казнил и иных коромолников. А царя Алегама с царицею послал князь велики в заточение на Вологду, а матерь его и братъю его и сестру послал князь велики в заточение на Белоозеро в Карголом» [41, с. 287–288].

С некоторыми разнотечениями (например, то с одной, то с несколькими сосланными сестрами Ильхама), иногда с подзаголовком «О казанском взятии» этот рассказ представлен в Московском велиkokняжеском своде конца XV века [39, с. 331] (с дефектной концовкой), в Сокращенных сводах 1495 года [41, с. 359] и 1497 года [42, с. 153], в Симеоновской летописи [31, с. 271–272], в северорусских летописях (Холмогорской [46 с. 125], Новгородской по списку Дубровского [25, с. 526–527]), в списке Царского Софийской I летописи [48, с. 164] (испытавшем влияние велиkokняжеского московского летописания) и, разумеется, в официальных общерусских сводах – Иоасафовской [9, с. 126], Воскресенской [28, с. 217] и Никоновской [29, с. 218–219] летописях. Текст Никоновской летописи лег в основу Лицевого свода, на соответствующей миниатюре которого рядом с царем Алегамом на одной с ним лошади сидит женщина в красном платье с золотой оторочкой, в золотой короне [16, с. 63–67]. Это – самое раннее (и чисто условное) изображение Каракуш.

Также рассказ «О Казанском взятии» вошел в Синодальную редакцию Типографской летописи [38, с. 205], созданную, по предположению Я.С. Лу-

рье [17, с. 233], в кругах, близких к ростовскому архиепископу Тихону. Читается он и в «Русском Хронографе», в котором повествование о казанских событиях, как и многие другие, оказались сдвоенным, и наряду с рассказом «О Казанском взятии» читается сообщение, восходящее к Вологодско-Пермскому летописцу [36, с. 462, 504–505].

Владимирский летописец, тоже испытавший влияние московского великоцняжеского летописания, сообщил о казанском взятии 1487 г. в значительно сокращенном варианте: «Князь великий Иван Васильевич взял град Казань, и царя поимали Олехама и привели его на Москву с царицею» [44, с. 137].

В Степенную книгу рассказ «О Казанском взятии» вошел уже в измененном виде (например, ее автор, показуя ученость, назвал Казань «болгарским городом»), с неправильной датировкой (6993 год вместо 6995), но все же легко узнаваем [35, с. 566]. Из Степенной книги этот текст позаимствовал составитель Мазуринского летописца, подкорректировавший дату [45, с. 117].

Вологодская летопись конца XVII века сообщает под 1487 г.: «Того же лета князь великий Иван Васильевич Казань взял, и царя привел с царицею, и поставил на царство царя Махмет Аминя в Казани» [47, с. 172]. Основным источником Вологодской летописи послужила летопись Вологодско-Пермская, в одном из списков которого читается сокращенный вариант рассказа «О Казанском взятии», контаминированный в единой годовой статье с событиями 6997 г. – вятским походом и освящением церкви Благовещения, сведения о которых также сокращены [12, с. 278] (как и в великоцняжеском летописании, казанским событиям в годовой статье предшествует рождение княжича Семена Ивановича). Столь же вторично известие о пленении казанского царя с царицею в летописце Ивана Слободского [47, с. 194]. Его составитель превратил дату взятия Казани – 9 июля – в дату присылки царя с царицей в Вологду «за сторожи», что в реальности могло произойти лишь пару месяцев спустя.

Другое, независимое от великоцняжеского летописания, упоминание о пленении казанской царской семьи содержится в летописном тексте с подзаголовком «О взятие Казанском от великого князя Ивана». Этот рассказ с незначительными вариациями читается в летописях Львовской [34, с. 352–353], Софийской II [26, с. 322–333], Уваровской [42, с. 318] и Типографской (Академической ее редакции) [38, с. 236]: «В лето 6995. О взятие Казанском от великого князя Ивана. Того же лета о Велице дни князь великий собрав силу многу, послы с царевичем Казанским на Казань в судех, а кони берегом повеле гнати. Тогда же и Вятчане отступиша от великого князя; князь же великий послы на Вятчан воеводу своего Юрья Шестака Кутузова со многою силою, и он шед умирился с ними, и взвратишися; тогда же и воевода Вятцкий Костянтин прибеже к великому князю к Москве. Того же лета гибло солнце на Ильин день. В той же день пригонил от Казани князь Федор Хрипун Ряполовской, поведая великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поимали; князь же великий рад быв, и послы к митрополиту, повеле молебна свершати; митрополит же повеле звонити во вся колоколы, и по всему граду повелением великого князя молебна свершиша и хвалу Богу воздаша. Царя же приведоша к Москве в четверток за неделю до Оспожина дни и посадиша в городе на княжь Данилове дворе Александровича Ярославского; приведоша же матери его и две жены его» [34, с. 352–353].

Все летописи, содержащие рассказ «О взятие Казанском», генетически связаны с независимым летописанием 80-х гг. XV века – оппозиционным сводом, происходящим из окружения митрополита Геронтия, и Ростовским сводом 1489 г., созданного при ростовской архиепископской кафедре [17, с. 232]. Из оппозиционного митрополичьего свода происходит свод 1518 г., послужившим протографом для Львовской и Софийской II летописей. Этот же свод отразился в летописи Уваровской. Академическая редакция Типографской летописи восходит к Ростовской летописи, оказавшей влияние и на свод 1518 года. Наиболее вероятным представляется, что известие «О взятие Казанском» впервые было записано именно в Ростовском своде. Этот рассказ в целом совпадает с великокняжеским летописанием, уступая ему по точности в некоторых деталях (нет имен воевод, посланных к Казани вместе с «царевичем Казанским», не сказано о ссылке царя с царицей в Вологду, а его матери, братьев и сестер в Карголом), зато сообщая некоторые дополнительные обстоятельства (о вятских событиях, о солнечном затмении на Ильин день, о времени привода царского семейства в Москву, о его заточении во дворе Даниила Александровича Ярославского).

Наиболее важное разночтение в отрывке «О взятие Казанском» по сравнению с великокняжеским летописанием – привод в Москву не одной, а двух жен казанского царя. Исключение представляет Уваровская летопись – в ее старом списке (30-х гг. XVI в.) сказано только о приводе царской матери, а в Синодальном списке [39, с. 318] над строкой дописано «и жену его». А.Н. Насонов полагал, что составитель Уваровской летописи усмотрел «неудобство» в чтении о двух женах и потому счел за лучшее его исправить [21, с. 396]. Но какое неудобство русский книжник мог увидеть в том, что у татарского царя было несколько жен? Проще и вероятнее связать появление этого чтения с тем, что в более старом списке Уваровской летописи фраза осталась недописанной («преводоша же и матери его и»), составитель же Синодального списка восполнил лакуну, обратившись к какому-то тексту, где фигурировала только одна жена.

Сколько же на самом деле жен привели вместе с Ильхамом в Москву? Казалось бы, больше оснований доверять великокняжеским летописцам, которые лучше были осведомлены о государственных делах. Однако возможно, что они уделяли особое внимание Каракуш, поскольку ее судьба была важна для московско-ногайских отношений; вторая же супруга Ильхама, не имевшая знатных родственников, не представляла для них интереса.

Вопрос решается при обращении к третьей независимой традиции летописания – тверской, в которой казанский царь довольствуется только одной царицей. Как оповещает Тверская летопись: «В лето 6995. Князь великий Иван Васильевич всея Руси Московский посыпал ратио на Казань, на царя Абреима, большого боярина своего и воеводу князя Даниила Дмитриевича Холмского, да с ним многих воевод; а Казань град взял(и), а царя и с царицею и с царевичи на Москву привели к великому князю Ивану. Князь же великий Иван Василиевич на Казани царя посадил из своеа руки Обреимова же сына царева середнего, Махмедилема; да с ним посадил наместника своего и боярина Дмитрея Василиевича Шеина, месяца Июля в 14 день, на память святаго апостола Акыла». [30, с. 500].

Относящееся ко времени уже после ликвидации самостоятельности Великого княжества Тверского, это известие все же сохраняет отчетливый тверской «след» (из всех воевод упомянут только князь Холмский). Содержит оно и уникальное известие – об «интронизации» Мухаммед-Амина в Казани 14 июля и о наместничестве Д.В. Шеина. Это сообщение хорошо вписывается в хронологическую канву казанских событий 1487 г.: 11 апреля – начало похода на Казань Холмского, Оболенского и Ряполовского, 24 апреля – выступление Мухаммед-Амина, 18 мая – начало осады, 9 июля – взятие Казани, 14 июля – утверждение Мухаммед-Амина на царстве, 20 июля – прибытие в Москву гонца с известием о победе, 31 августа («в четверток за неделю до Оспожина дни») – привод царя с семейством в Москву. В отличие от велиокняжеского и «оппозиционного» летописания, тверское сообщение не содержит привязки к прибытию в Москву гонца от Ряполовского 20 июля (судя по всему, весть о взятии Казани, полученная в день солнечного затмения, произвела немалое потрясение в Москве, в велиокняжеском летописании ему даже отвели отдельное известие, маркированное оборотом «того же лета», в одном ряду с самим казанским взятием); видимо, гонец Ряполовского отбыл из Казани еще до того, как состоялась официальное «возведение на трон» Мухаммед-Амина, информатор же тверского летописца, оставшийся в Казани, не мог наблюдать радостно-тревожного переполоха в Москве с солнечным затмением и колокольным перезвоном.

К сожалению, сообщение тверской летописи, при всей своей достоверности, ничего не добавляет к нашим знаниям о Каракуш. То же самое верно и в отношении еще одного, уже четвертого независимого сообщения о казанских событиях, читаемого в Устюжской летописи. О военной компании 1487 г. эта летопись приводит уникальные (но в целом не противоречащие другим источникам) сведения – о полевом сражении под Казанью, о ежедневных вылазках осажденных, о действиях князя Ольгазы в тылу осаждающих. О казанской же царице данный источник не предоставляет никаких новых данных, разве что еще раз подтверждая, что в Москву была приведена только одна пленная царица, а не две: «А город взяли, и матери цареву, и его царицу, и князей татарских и княгинь поимали» [47, с. 50].

В рассказе о первом Казанском взятии вологодско-пермского летописца конца XV – нач. XVI века, опубликованном Б.М. Клоссом, тоже приводится уникальное известие о пленении и экзекуции на Кучковом поле двух князей Чеботаевых детей (совпадающие со сведениями велиокняжеских летописцев о казни «коромольников»), сведения же этого источника о царице (одной) не содержат ничего нового в сравнении с данными других источников – говорится только о ее пленении вместе с мужем и свекровью [12, с. 270].

Итак, в 1487 г. Каракуш сменила казанский трон на вологодское заточение. Следующая резкая перемена в ее судьбе произошла в 1502 г., когда Иван III по не ясным до конца соображениям вывел из Казани Абдул-Латифа и посадил на престол Мухаммед-Амина, отдав ему в жены вдову его брата Ильхама. Об этом сообщала Иоасафовская летопись, из которой этот рассказ попал в Никоновскую [29, с. 255] и Воскресенскую [28, с. 241] летописи. «В лето 7010... Тое же зимы, генваря, послал князь великии князя Василья Ноздроватого да Ивана Телешова в Казань и велел поимати царя Казанского Абдыл-Летифя за его неправду; они же, ехва, створиша тако: поимав царя и

приведоша в Москву. Князь же великии посла его в заточение на Белоозеро, а на Казань пожаловал князь великии на царьство старого Казанского Магамед-Аминя, Абреимова сына, да и царицу невестку его ему дал Алегамовскую, бывшаго царя Казанского. А с царем послал князь великии в Казань князя Симеона Борисовича Суздальского да князя Василья Ноздроватого» [9, с. 143].

В Лицевом своде текст из Никоновской летописи сопровождается миниатюрой, на которой можно увидеть уже знакомое условное изображение царицы в золотой короне и красном платье [16, с. 479–482]. Вещел этот текст и в «оппозиционное» летописание – Софийскую II [26, с. 366–367], Львовскую [34, с. 372–373], Уваровскую летописи [42, с. 335]. Составители Холмогорской [46, с. 134], Вологодско-Пермской летописей [40, с. 295] и Хронографа [36, с. 515], переписывая это сообщение, не сочли царицу достойной упоминания.

Вот и все, что сообщают об «Алегамовской царице» синхронные повествовательные источники. Что до документальных источников, то в Разрядных книгах упоминаются только мужья Каракуш, но не она сама [50, с. 19, 20, 27, 32, 35, 36]. Несомненно, немало интересного можно было бы обнаружить в посольских делах по связям с Казанским ханством, но они не сохранились. Само имя Каракуш, равно как и ее происхождение, не обозначенные в русских летописях, долгое время оставались неизвестным. Установить их удалось лишь при обращении к ногайским и крымским посольским делам.

Но и это произошло не сразу. В указателях к изданию крымских и ногайских дипломатических актов 1884 года Каракуш названа царицей ногайской и дочерью ногайского мурзы Ямгурчея, при этом упоминаемый в переписке «человек» Каракуш по имени Кудайкул показан как «человек жены ногайского князя Ямгурчея» [53, с. 29, 32]. Лишь в фундаментальном труде В.В. Трапполова Каракуш однозначно отождествляется с «алегамовской» царицей [63, с. 136, 137, 141].

В 6998 г. ногайский мурза Ямгурчи просил Ивана III отпустить его детей, которые к Ивану «попали». В ответ Иван III написал: «Ино Алегам царь был с нами в правде, и грамоты были меж нас с ним записаны: другу другом быти, а недругу недругом быти. Да на чем нам молвил и как с нами в грамотах записал, в том ни в чем не стоял, а нам не правил. И мы, видев его неправду, уповая на Бога, посылали есмя на него. И Божиим милосердьем того своего недруга Алегама царя достали, есмя и с его матерью, и с женою, и, с его братею, и землю его взяли есмя, и посадили есмя на том юрте на Казани своего брата и сына Магмет-Аминя царя. А наш недруг Алегам царь Божьею милостью нынечка в наших руках, и нам его не пустити» [49, с. 20–21]. Отметим, что здесь еще раз подтверждается, что в 1487 г. казанского царя привели в Москву только с одной женой. В октябре следующего года Ямгурчи в своей грамоте снова просит Ивана III отпустить «моих тех детей, двоих полонянников» [49, с. 34]. На все просьбы Иван III отвечает отказом, одновременно давая согласие на брак своего казанского ставленника Мухаммед-Амина с кузиной плененной царицы, дочерью брата Ямгурчи Мусы [49, с. 29–30, 32, 35, 36, 37]. Лишь после вторичного утверждения Мухаммед-Амина в Казани просьбы ногайских мурз были услышаны, в феврале 1503 года русский посол в Крыму говорил Менгли-Гирею: ««И государь наш, господине, их деля чело-

битье пожаловал, Емгурчееву дочерь отпустил и дал ее за Магмед-Амина царя; и послал государь наш веснось к Емгурчею мырзе и к пяти мырзам своего посла приводити их самих к шерти на том, что им государя нашего другу другом быти, а недругу недругом, а на всякого недруга со государем нашим быти им заодин» [53, с. 461].

Этим бесспорно устанавливается, что полоненное дитя Ямгурчи – это та самая царица, жена Ильхама, которая была вместе с ним приведена в Москву, сослана на Вологду, а затем вышла замуж за Мухаммед-Амина. Ее имя трижды упомянуто в посольских ногайских делах. В грамоте к Ивану III в сентябре 7013 года Ямгурчи пишет: «Да мое дитя Каракуш и боле меня твое дитя стоит, и ты тому одному человеку пожаловал, свое дитя за него дал, да еще и нынечь то свое дитя, как побережешь, ты ведаешь». В октябре того же года Иван III передавал Каракуш через посла Кудайкула: «Молви от нас Карагуш царице, чтобы наше добро к себе памятовала и дела бы нашего меж меня и отца своего Емгурчева берегла, что, как на чем нам отец ее молвил, на том бы и стоял, другу бы нашему друг был, а недругу недруг. Да приказал к ней поклон. А князь великий Василий приказал с ним Карагуш царице поклон же» [49, с. 50, 52]. Тут прямым текстом озвучен мотив, побудивший Ивана III выдать вдову Ильхама за ее деверя – таким способом он рассчитывал укрепить союзнические отношения с Ногайской Ордой и упрочить свое господство над Казанью.

Как известно, расчеты Ивана III на этот раз не оправдались, в августе 1505 года Мухаммед-Амин «поимал» московского посла и русских гостей в Казани, а в сентябре попытался атаковать Нижний Новгород, причем в его войске присутствовали и ногайцы. Автор «Казанского летописца» приписал важную роль в этих событиях влиянию на Мухаммед-Амина его царицы, и эта версия получила широкую поддержку – причем даже среди исследователей, не склонных доверять «Казанскому летописцу» в целом.

«Казанский летописец», именуемый также «Казанской историей» или «Историей О Казанском царстве», написан значительно позже войны 1505–1507 гг.: самые ранние его редакции исследователи относят к 60-м годам XVI в. [20, с. 20]. Однако его автор сообщает о своем 20-летнем пребывании в казанском плена, о своих доверительных отношениях с Сафа-Гиреем, о частых беседах с царем, его вельможами и другими «честнейшими» и «мудрейшими» казанцами [32, с. 192–193], что позволяло видеть в нем ценного свидетеля, способного донести такую информацию, которой не обладали велико-княжеские летописцы. Правда, при изложении важных событий казанской истории автор нередко ограничивался компиляцией все из тех же русских летописей, при этом допускал странные для столь осведомленного человека промахи. Так, его изложение первого казанского взятия 1487 г. – это явно слегка сокращенный пересказ великокняжеского летописания с добавлением известия Устюжской летописи о полевом сражении под Казанью; упоминает он и пленение царицы. Однако местом заточения захваченного царя автор «Летописца» вместо Вологды называет Белоозеро, о событиях между 1487 и 1505 годом ничего не говорит и явно не знает о двукратном утверждении Мухаммед-Амина в Казани [32, с. 226–227]. Зато о подоплеке казанских событий 1505 года он сообщает много такого, о чем молчат другие источники:

«Той же царь Махметеим седе на Казани царем и взять за себе сноху свою, брата своего жену, Алексама царя болшицу – царицу – по прошению его у вели-

каго князя, из заточения, ис темницы с Вологды, мужу ея Алексаму царю умершу в заточении. И любо ему бысть вельми братня жена. И начать по малу она яко огнь разжигати сухими дровы, и яко червь точити сладкое древо, и яко прелукавая змия, научаема от вельмож царевых, охапившия о выи, шептати во уши царю день и нощь, да отложится от великаго князя, и да не словет Казанский царь (раб) Московъскаго великаго князя во всех землях, да не срам убо и уничижение будет всем царем, и всю Руслану да побиет живущую в Казан(и), и корень их изведет изо всего царства своего. И аще, рече сия (со)твориши, то много лет имаши царствовати на Казани; аще ли же сего не сотвориши, то вскоре з бесчестием и с поруганием сведен будеши с царства, яко же и брат твой Алексам царь, и умреш тако же в заточении, в темнице. И всегдашняя капля дождневная жестоки камень пробивает сквозе, а лщение женъское снедает прымурдяя человеки. И, много крепився, царь прельстився злымъ женею своею, и послуша проклятого совета ея окаянныя – о безумию его! – измени великому князю Московскому нареченному отцу своему и присече коупцов богатых и всю Руслану, живущую в Казани и во всех улусах, и з женами и з детми, в лето 7013-г(о), на рождество великаго Ивана Предтечи» [32, с. 228–229].

В следующий раз о коварной казанской царице автор «Летописца» упоминает, описывая обстоятельства кончины Мухаммед-Амина, который, как положено персонажу назидательной литературы, не мог не получить достойной кары за свои злодеяния: «И за сие преступление порази его Бог язвою неисцелимою, от главы и до ногу его, и люте боля(ше) три лета, на одре лежа, весь кипя гноем и червми. И враче же и волхвы не возмо(го)ша от язы тоя исцелити его, и никто же к нему в ложницу вхожаша посетити его, но ни царица та, прельстившая его, ни большая его рядцы, смрада ради злаго, изходящаго от него». Мухаммед-Амин понимает, что недуг ему послан «за неправду мою и измену, и за клятвенное преступление, и за напрасное и неповинное и многое крови пролитие христианское». Он со стыдом вспоминает доброе отношение к нему со стороны Ивана III, которому он отплатил черной неблагодарностью, «лестных словес и облизивых жены моей послушах». Теперь же «несть ми ныне ползы ни от жены змеи, прелестившие мя, ни от множества силы моей, ни от богатства моего, вся бо исчезоша, яко прах от ветра». Движимый раскаянием, царь посыпает Василию III богатые дары, передает ему Казань, куда просит прислать царя или воеводу. Автор не сообщает, простил ли царя Василий III, но сам он его явно не прощает: «И зле царь тои Махметин житие свое сконча, жив червми снеден бысть яко детуу(б)илица Ирод, не исцелев от врачев, и отоиде во огнь вечный равно мучитися с ним». Божья кара не минула и «змею» царицу: «Так же и царица та, прельстившая его, борзо по нем, того жа месяца, с печали умре и, от совести своеа бодома, смертнаго зелия вкусив. И се Бог преступающи(м) клятву воздает» [32, с. 237–241].

Сообщаемые «Казанской историей» подробности не подтверждаются ни одним источником. Современные Каракуш летописцы ничего не знают ни о раскаянии Мухаммед-Амина, ни о передаче им Казанского царства Василию III, ни о самоубийстве его супруги. В равной степени не находят подтверждения обвинения царицы в подстрекательстве к мятежу. Согласно Архангело-городскому летописцу, Мухаммед-Амин сразу после повторного воцарения в Казани держал «на великого князя гнев» и начал свое правление с убийства

лояльного к Москве князя Калемета [47, с. 99] – и это явно еще до того, как Каракуш успела на него каким-то образом повлиять. Примечательно, что русские летописцы не знают даже имени «Алегамовской царицы», что было бы необъяснимым, играй эта женщина действительно столь важную роль в государственных делах: имена Нур-Салтан и Сююмбике они прекрасно знали и неоднократно упоминали. Кроме того, активное участие Каракуш в антимосковском выступлении должно было бы как-то отразиться в московско-ногайской дипломатической переписке 1505–1507 годов, чего, однако же, не наблюдается.

Не менее симптоматично и молчание на этот счет С. Герберштейна, сообщившего немало подробностей о московско-казанских отношениях. Мало того, одно из его известий, будь оно правдивым, могло бы служить опровержением принципиально «русофобской» позиции Каракуш. Согласно С. Герберштейну, Шах-Али смог сесть на казанский престол благодаря браку со вдовой Мухаммед-Амина и помочи, полученной от государя московского и от брата своей новой супруги [71, с. 300]. Этой вдовой вполне могла быть и Каракуш, которой, с учетом ранних браков в те времена, к 1518 году вряд ли было больше 40–50 лет. Косвенно это подтверждается указанием на брата вдовы, способного даже помочь обрести казанский престол – на эту роль подходит сын Ямгурчи Агиш-бий. Впрочем, с равным основанием речь может идти о другой жене Мухаммед-Амина – кузине Каракуш Фатиме, дочери Мусы, и ее брате Мамае, достигшим значительного политического веса в Дешт-и-Кипчаке [63, с. 166]. Но едва ли это та самая Фатма-Салтан – супруга Шах-Али, которая была в 1536 г. на приеме у Елены Глинской и которую приветствовал по-татарски 5-летний Иван IV [43, с. 22]: слишком много лет прошло со времени ее сватовства за Мухаммед-Амина. Впрочем, само известие С. Герберштейна не поддается проверке и не имеет соответствий в русских источниках.

«Казанский летописец» представлял собой уже не источник, а настоящий историографический труд, особенно применительно к тем его фрагментам, где автор сообщал о прошлом Казани. Позиционируемое как «свидетельство очевидца», это произведение предлагало читателям целый ряд занимательных мелких подробностей, но одновременно и давало глобальные толкования событий, превращая московско-казанские столкновения в эсхатологического масштаба битву христианства с исламом. Неудивительно, что это высокохудожественное произведение оказалось сильное влияние на отечественную историографию. В Латухинской Степенной книге 1676 года события 1505–1507 гг. пересказываются близко к тексту «Казанского летописца»; приведен там и рассказ о назидательной смерти Мухаммед-Амина и его царицы [15, с. 431–434, 438–439, 445–446]. В этом труде – впервые в русских нарративах – царица называется по имени: составитель Латухинской книги принял указанный в «Казанской истории» статус царицы («большица», т. е. старшая жена) за личное имя: «взя ея въ жену себе, имя бо ей Болшица, и люба ему бысть велми» [15, с. 432]. А.И. Лызлов, автор «Скифской истории», по-видимому, знал значение слова «большица», и в его пересказе «Казанского летописца» коварная царица осталась анонимной. А.И. Лызлову удалось исправить явную ошибку своего источника – у него Ильхама с женой ссылают в 1487 году не на Белозеро, а в Вологду. Возможно, он воспользовался Латухинской Степенной книгой, в которой тоже названа Вологда [15, с. 420]. К сожалению, историо-

граф в свою очередь не удержался от домысла – согласно «Скифской истории», Ильхам и его царица отправились в заточение из-за отказа креститься [18, с. 53, 54].

В «Ядре русской истории» влияние «Казанского летописца» не прослеживается, о Каракуш упоминается косвенно: «В году 1487 июля в 9 день через воеводу своего князя Даниила Холмского город Казань взял, и царя Казанского Алегама со всею семьею привезти велел к Москве и в тюрьмы посадить» [70, с. 173]. Впрочем, «Ядро» было опубликовано спустя более полувека после своего написания о особого влияния на российскую историографию оказаться не смогло. Другое дело – «История Российской» В.Н. Татищева, остававшаяся самым популярным трудом по отечественной истории вплоть до карамзиновских времен. Татищев обильно заимствовал живописные подробности «Казанской истории» – как напрямую, так и из ее пересказов в «Латухинской Степенной» и в «Скифской истории», имевшихся в его библиотеке [23, с. 59; 55, с. 485].

Автором «Казанской истории» В.Н. Татищев считал попа Иоанна Глазатого [59, с. 102]. Неизвестны ни причины возникновения этой гипотезы – в тексте «Казанской истории» нет ни прямых, ни даже косвенных на то оснований [14, с. 555], – ни время ее появления: в письме к Шумахеру 1735 г. книга «о казанском походе» названа анонимной [58, с. 214], в примечаниях на работу Страленберга в 1736 г. В.Н. Татищев ссылается на «Гисторию Казанскую» без указания ее авторства [61, с. 531]. Несмотря на шаткость татищевского свидетельства, об авторстве Ивана Глазатого уверенно писали многие последующие историки [14, с. 552–553]. С.М. Шпилевский [68, с. 558, 560], Г.З. Кунцевич [14, с. 555], Г.Н. Моисеева [19, с. 278], М.Н. Тихомиров [62, с. 51] полагали, что Иван Глазатый написал только одну часть «Казанского летописца», отраженную в т. н. «Отрывке русской летописи» [32, с. 303–315]. Г.З. Кунцевич обратил внимание на тот фрагмент «Казанского летописца» и «Отрывка...», в котором к Ивану Грозному обращается некто, представляющийся «протопопом» и «богомольцем», и посчитал это указанием на авторство духовного лица, каковым мог быть и Иван Глазатый [14, с. 555]. Однако же эти слова в тексте принадлежат не автору произведения, а одному из персонажей – протопопу Благовещенского собора Андрею [32, с. 438–439]. Л.А. Дубровина указывала на приписку об авторстве Глазатого, сделанную на списке Срезневского [33, с. V, XIX]. Но это приписка сделана рукой бывшего владельца рукописи Сулакадзева, в двух местах списка стоит его штемпель с датой его рождения – 1771 [22, с. 374] – следовательно, приписка сделана уже после публикации первого тома татищевской «Истории» (1768) и не может считаться независимым свидетельством. В общем, на сегодняшний день у исследователей нет на руках ничего, кроме неизвестно на чем основанного утверждения Татищева, так что от гипотезы авторства Иоанна Глазатого приходится отказаться.

В отличие от авторов Латухинской Степенной и «Скифской истории», Татищев не просто перенес известия «Казанской истории» в свое произведение, но и дополнил их подробностями, неизвестными никаким другим источникам. Особенно красочным получился у него рассказ о выступлении Мухаммед-Амина против Ивана III в 1505 году. Татищев скомпилировал свое известие из двух источников – помимо «Казанского летописца», он использовал

Академический список Никоновской летописи, в котором сообщалось: «Тоя же весны прислал к великому князю Ивану Васильевичу всея Русии царь Магамед-Амин Казанский с грамотою о некоих делах князя городного Шаинуфа; и князь великий Иван Васильевич по своему крепкому слову послал к нему о тех делах в Казань своего посла Михаила Клятика, чтобы он тем речем всем не потакал. И того же лета, Июля 24, на Рождество святого Иоанна Предтечи, безбожный и зловерный царь Магмед-Амен Казанский, будучи у великого князя Ивана Васильевича всея Русии в дружбе и в шерти, и забыв свое слово и преступи шертныя грамоты, великого князя Михаила Клятика поимал, и людей великого князя торговых поимал, да иных секл, а иных пограбив, розослал в Нагай» [29, с. 259].

Об участии в заговоре казанской царицы Никоновская летопись ничего не знает. «Казанская история», в свою очередь, молчит о Клятике и «Шаинуфе». Татищев мастерски переплавил оба рассказа в единый высокохудожественный политический детектив, сумев заодно ответить на вопросы, неизбежно возникающие при чтении великокняжеского летописания – о каких таких делах «Шаинуфа» идет речь, каким речам и каким именно образом должен был не потакать Клятик, почему его приезд в Казань спровоцировал резню и проч.

Согласно В.Н. Татищеву, великий князь, отправляя Мухаммед-Амина в Казань, «надеялся на него крепше». Царь первое время начал «добрे правити по данной шерти, верне во всем с воеводами великаго князя управляша и о всем, что приключися, возвествуя, и крамольников казняша, и к великому князю отсылаша...». Но тут начала действовать его новая супруга «иже бе на Вологде стерегома», которая в татищевском рассказе получила имя Урбеть. «Жена же оная, яко паче иным любима ему бысть, возоминая преднее ее пленение и детей ея, нача смусчати его отложитися от великаго князя...». По сравнению с героиней «Казанского летописца» в речах татищевской царицы появляется новый мотив – она не просто хочет, чтобы казанский царь перестал быть «рабом» московского князя, но и с явной ностальгией вспоминает о временах, «яко деды наши Русью владяху и дани взимаху полетни». Царь поначалу только «ужасается» ее подстрекательствам. Тогда Урбеть клевещет на городного князя «Шаинуфа», который был «вельми верен великому князю и хану Махмет-Амину» и не позволял «другим на зло замышляти».

Мухаммед-Амин оповестил Ивана III о мнимой измене «Шаинуфа». Московский князь «посла к нему в Казань Михаила Клятика с тем, чтоб он Мехмет-Амин добре о всем уведал и таким речам не потакал, крамольников казнил и городного князя Шаинуфа прислал бы за сторожею в Москву». Урбеть, опасаясь, что с приездом московского посла «да и сама с ея приятели не обличена и казнена будет», принялась запугивать супруга, уверяя, что московский князь собирается его уморить, всех казанских князей изгубить и заселить Казань русскими. Напуганный царь собирает вельмож, которые решают избить «всю русь». Чтобы никто из русских гостей не успел спастись, «уложиша послати всюду заставы по путем, да никто не убежит, а егда съедутся на базар отовсюду, тогда всех избити». Но среди этого сонма предателей оказался благородный князь Алачай, «кого же князь великий Иван Васильевич, пленив ранена, повеле исцелити, прежде пленинную жену его и с чады, отыскав, возврати и его отпусти». Из благодарности Алачай «даде о том вскоре Михаилу знати». Посол успел отравить назад своего сына, который

предупредил об опасности некоторых русских купцов, подъезжающих к казанским рубежам. Но участь остальных была предрешена, и царь Мухаммед-Амин якобы лично возглавил избиение русских на базаре: «выеха сам той нечестивый клятвопреступник Махмет-Аминь, и все князи с ним, и множество татар во оружии, начаша руских всех имати, убивати и грабити, иже не чаяху никоего зла на себе и опасения не имеша» [60, с. 121–123].

Ни в каком из более чем 200 известных на сегодняшних день списков «Казанской истории» ничего похожего на все эти известия нет, и в их чисто беллетристическом происхождении вряд ли стоит сомневаться. О генезисе конкретных деталей татищевского рассказа можно высказываться только предположительно. Так, рассылка застав для перехвата беглецов явно навеяна сведением имевшегося у Татищева Владимирского летописца о том, что часть русских гостей, успевших было спастись от резни, были «по дорози» перебиты черемисами [44, с. 140]. Уникальное и невозможное имя Урбеть скорее всего возникло из-за того, что Татищев посчитал указанное в Латухинской Степенной имя «Большица» калькой с татарского и попытался, в меру своих скромных познаний в татарском языке, дать «обратный перевод». Сколь своеобразны и непредсказуемы были представления Татищева о татарском языке – видно хотя бы из того, что название «Сибирь» он производил от якобы татарского слова «Сенбирь», что, по его мнению, означало «главный» [61, с. 161]. Возможно (но совершенно недоказуемо), что историограф пытался «слепить» имя царицы из слов «зур» (большой) и «бит» (лицо). Благодарный князь Алачай был введен в сюжет для того, чтобы объяснить, каким образом «рассказчику» стали известны подробности альковных интриг и секретных совещаний казанского царского двора. Правда, может возникнуть соблазн идентифицировать этого персонажа с Алач-мирзой, братом Каракуш. Но Алач был не казанским князем, а ногайским мирзой [63, с. 710] и на совещание знати у казанского царя не мог попасть по определению. Вряд ли о нем знал Татищев: Алач-мирза упоминается только в посольских ногайских и крымских делах, с которыми Татищев не работал. Зато в татищевской карьере числится приведение к присяге Младшего жуза казахов («киргиз-кайсаков»), в котором, как Татищев мог узнать от своего сослуживца и помощника А.И. Тевкелева, числились роды Алчин и Алача [56, с. 302–303]. Причисляя киргиз-кайсаков к татарским народам [58, с. 307], Татищев мог с чистой совестью сконструировать для казанского князя личное имя Алачай.

Татищевский рассказ о 1505 г. не вписываются в какую-либо летописную традицию: те летописи, которые упоминали о «Шаинуфе» и Кляпике (Никоновская, 2 Софийская, Воскресенская, Львовская), молчат о казанской царице и ее «нашептываниях», в то время как «Казанский летописец» не знает ни «Шаинуфа», ни Клятика. Структура татищевского повествования больше напоминает историографические дискурсы Нового Времени, созданные путем комбинации разнородных источников. Примечательно, что и Щербатов [69, с. 355–358] и Карамзин [11, с. 208–209]) тоже пытались вплести «Шаинуфа», Клятика и происки коварной царицы в единую фабулу повествования, несмотря на то, что с татищевским трудом они знакомы не были (4 часть «Истории Российской» была обнаружена Погодиным лишь в 1843 г.). Это и неудивительно, поскольку все они пользовались как одинаковыми источниками (Нико-

новской летописью, «Казанским летописцем»), так и одним и тем же приемом, который Р.Дж. Коллингвуд называл «ножницами и kleem» [13, с. 245].

Характерно, что известия «Казанского летописца» о смерти царя от про-казы и о самоубийстве его «бодомой совестью» царицы Татищев в свою «Историю» не включил – видимо, представителю петровского Просвещения такого рода история показалась слишком уж библейски-назидательной, говоря его языком – баснословной. Правдоподобность или неправдоподобность известия служила главным критерием «критики» Татищевым его источников, при этом сведения о влиянии альковных нашептываний на политические дела вполне могли показаться достоверными человеку, писавшему историю в «галантный век».

Впрочем, младший современник Татищева и его корреспондент П.И. Рычков счел правдивыми и те свидетельства «Казанского летописца», которые отверг Татищев: в его «Опыте Казанской истории древних и средних времен» можно прочитать как о коварных нашептываниях царицы, так и о ее самоубийстве после смерти ее прокаженного и раскаявшегося супруга; при этом Рычков допустил просто несуразные ошибки в датировке (52, с. 85–86, 91–92).

В XIX в. исследователи уже менее склонны были доверять занимательным рассказам «Казанского летописца». К.Ф. Фукс [66], М.С. Рыбушкин [51], Н.А. Фирсов [65], Г.И. Перетяткович [24] не упоминают в своих трудах ни «Казанский летописец», ни «алегамовскую царицу». С.М. Соловьев охарактеризовал этот источник как «мутный», однако же привел версию, что упоминаемый Архангелогородским летописцем «гнев» Мухаммед-Амина на великого князя «еще более был воспламенен новою женою Магмет-Аминя, вдо-вою прежнего царя казанского, Алегама, на которой великий князь позволил жениться: будучи научаема вельможами, она день и ночь шептала хану, чтоб отложился от Москвы» [57, с. 365]. С.М. Шпилевский считал «Казанскую историю» «плохою компиляциею из русских летописей с прибавлением весь-ма немногих новых данных», не поясняя, однако же, насколько надежными считает он эти самые новые данные, в том числе о нашептываниях царицы Мухаммед-Амину. По-видимому, он не был склонен полностью их отвергать, поскольку в другом месте писал: «...Казанская история в первой ея части представляет и некоторые, хотя и немногия, данные, которые не встречаются в других источниках» [68, с. 566].

В.В. Вельяминов-Зернов указывал, что ни откуда не следует, что царица, отданная в 1502 г за Мухаммед-Амина, та же самая, которую привели пленницеи в Москву 1487 г; об этом прямо говорит только «Казанский летописец», и нет оснований ему не верить [5, с. 193]. Это, конечно, натяжка: Иван III мог распорядиться судьбой вдовы Ильхама только в случае, если она была его пленницей, а таковой могла быть только та самая царица, которую сослали в вологодское заточение в 1487 г. Примечательно, однако же, что даже такой вдумчивый и обстоятельный исследователь склонен был считать «Казанскую историю» надежным источником. В.В. Вельяминов-Зернов даже допускал, что те «речи», которым не должен был «потакать» Михаил Кляпик, «были действительно, как утверждает Казанский летописец, злые наущения вдовы Ильгамовой» [5, с. 195]. Это – все та же попытка механической компиляции «Казанской истории» с великокняжеским летописанием, к которой прибегал еще Татищев.

В зарождающейся татарской национальной историографии первоначально тоже преобладало некритичное доверие к «Казанскому летописцу». Г.Н. Ахмеров в своем труде не только повторял его известия (включая предсмертный недуг царя с язвами по всему телу), но дополнял их собственными интерпретациями, мало отличимыми от домыслов: что Мухаммед-Амин «не мог противостоять горячо любимой жене и во всех делах следовал ее советам» или что его супруга «люто ненавидела московского князя» [3, с. 95–97]. Более скептичен и даже ироничен был М.Г. Худяков, который по поводу событий 1505 года писал: «Составитель «Казанского летописца» описывает эти события, как яркий роман. Возникновение самой войны он приписывает вдове хана Али, вышедшей замуж за Мухаммеда-Эмина и таким образом вносит в изложение исторических фактов своеобразное *cherchez la femme*» [67, с. 67–68]. Вместе с тем исследователь не отвергал свидетельств «Казанского летописца» напрямую и даже повторял некоторые сообщаемые им сведения (например, о больших боягатствах, награбленных казанцами во время погрома 1505 г.).

К.В. Базилевич, признавая «Казанский летописец» историко-литературным памятником, содержащим «риторику, оснащенную нравоучительными сентенциями», все же настаивал, что «фактическая сторона рассказа заслуживает внимания». Среди прочего он допускал, что влияние жены послужило одним из многих факторов, побудивших Мухаммед-Амина выступить против своего «сюзерена» Ивана III, хотя и не считал этот фактор решающим [4, с. 535–537].

В работах татарских историков со временем нарастала тенденция к критической оценке «Казанского летописца», однако критика касалась главным образом его идеологической составляющей – явно «промосковской», «антитатарской» и антимусульманской позиции его автора. Сами же его сведения, в том числе роль царицы в выступлении 1505 года, сомнению не подвергались, а лишь получали оценку «с обратным знаком»: если для московских книжников XVI века царица была «прелукавой змеей», то в оценке некоторых современных татарских историков она становится «патриоткой», способствующей ни много ни мало пробуждению «национальных чувств» у своего супруга [64, с. 148], что, конечно, является анахронизмом. Яркий пример амбивалентного отношения к «Казанскому летописцу» продемонстрировал С.Х. Алишев. С одной стороны, он чуть ли не высмеивал этот источник и тех, кто ему доверяет, характеризовал его автора как «изощренного фанатика» [2, с. 39]. В то же время, историю о казанской царице, побудившей мужа восстать против московской власти, С.Х. Алишев излагал с полным доверием, разумеется, меняя оценки с «минусов» на «плюсы» и наоборот. Татищевские дополнения также не вызвали у С.Х. Алишева подозрений, и в его работе царица фигурирует под «татищевским» именем Урбеть. Словно вдохновляемый художественными красотами «Казанского летописца» и «Истории Российской», исследователь дополняет их нарративы собственными домыслами: «Слышавший о дивной красоте жены умершего в Вологодской тюрьме Али хана Урбет, он захотел увидеть ее. Поехав в Вологодскую тюрьму и увидев красавицу, сладострастный Мухамет влюбился в Урбет. Она была действительно привлекательной, с очаровательным лицом и изящной, грациозной фигурой. Он умолял Ивана III отпустить ее за себя в жены и добился своего... Свободолюбивая и властная его жена Урбет играла важную роль в умонастроении самого хана» [2, с. 17].

Нетрудно заметить, что источником домыслов служат фразы из «Казанского летописца». Так, фраза «любо ему бысть вельми братня жена» под первом исследователя превратилась в рассказ о поездке в Вологду: чтобы сильно влюбиться, царь должен лично увидеть предмет своей страсти. Вслед за «Казанским летописцем», Лызловым и Ахмеровым Алишев приписывает инициативу брака Мухаммед-Амину, который якобы уговаривал Ивана III отдать ему в жену невестку. Для объяснения столь неистовой влюбленности пришлось наделять царицу привлекательным лицом и изящной, грациозной фигурой. Такого рода «реконструкции» вполне пригодны для романа или киносценария, но в научном труде смотрятся странно.

Сказанное ни в коей мере не умаляет заслуг уважаемого Саляма Хатыповича и призвано лишь подчеркнуть извечную опасность «соскальзывания» научно-исторического дискурса в литературно-художественный. При использовании таких изначально беллетризованных произведений, как «Казанский летописец» или татищевская «История Российской», эта опасность возрастает многократно. Между тем, в академической многотомной «Истории татар» ссылки на татищевский труд даются через запятую со ссылками на аутентичные летописи, в рассказе о событиях 1505 года фигурируют имена Урбеть и Алачая [10, с. 300–301], а влияние супруги на решение Мухаммед-Амина выступить против Ивана III излагается как бесспорный факт, без какого-либо намека на критику.

Примечательно, однако же, что и те исследователи, которые не склонны безоговорочно доверять ни автору «Казанского летописца», ни Татищеву, находят правдоподобным известие о влиянии Каракуш на Мухаммед-Амина. Так, Б.А. Илюшин в своей монографии о казанских войнах Василия III в числе причин конфликта 1505–1507 указывает «шаткость положения Мухаммед-Эмина (у которого перед глазами была судьба родного и сводного братьев, оказавшихся в русской ссылке, а также вдовы последнего, причем со стоявшими за ней ногайскими родственниками)» [7, с. 115]. В другой своей работе исследователь выразился предельно осторожно: «...вряд ли мнение жены стало в этом деле определяющим, хотя и могло существенно повлиять на отношения хана к русским людям» [6, с. 82].

А.В. Аксанов справедливо указал на сложную структуру текста «Казанского летописца», автор которого наряду с известными летописями использовал известия явно нелетописного происхождения, изучение которых – «поле для герменевтического анализа», вследствие чего «раскрыть полный смысл известия пока не представляется возможным». Особенно важно учитывать библейский контекст, в который автор «Казанского летописца» помещал излагаемые им события: «Бесспорно, важнейшую роль в миропонимании автора «Казанской истории» играла Библия. Так, Мухаммад-Амин дважды сравнивается с Иродом. Сначала избиение купцов ставится в один ряд с избиением младенцев в Вифлееме, что приравнивает поступок хана к деяниям Ирода. Затем автор напрямую сравнивает двух правителей, говоря, что хан умер той же смертью, что и Ирод» [1, с. 132].

Подход А.В. Аксанова выглядит очень перспективным, поскольку радикально меняет парадигму исследования. Большинство историков, затрагивающие проблему «Казанского летописца», упирали на разбор достоверности или «правдоподобия» отдельных его сообщений – например, о той же вдове

Алегама – оставляя без должного внимания критику источника в целом. Литературный характер «Казанского летописца» не заметить было невозможно, но этому обстоятельству не всегда придавали должное значение. В результате литературное правдоподобие принималась за историческую достоверность. Однако психологическая убедительность поступков царицы, стремящейся отомстить московскому князю за свое заточение и смерть мужа в неволе, говорит не о достоверности этого известия, а только и исключительно о литературном мастерстве автора «Казанского летописца». В отсутствие каких-либо сведений, подтверждающих версию о ее «нашептываниях» мужу, этот нарратив следует рассматривать исключительно как художественное произведение. И даже если правы те исследователи, которые выступление Мухаммед-Амина против Ивана III считают следствием ногайского влияния, то из этого не следует автоматически, что ногайское влияние осуществлялось именно через Каракуш – более того, все источники, включая даже сам «Казанский летописец», об этом молчат (в «Казанском летописце» царица была «научаема» не ногайцами, а казанскими же вельможами).

Для автора «Казанской истории», как для средневекового книжника, библейские топосы служили мерилами для осмыслиения окружающего мира и готовыми образцами для описания событий. Отдельные исследователи отмечали это и прежде – так, Кунцевич указывал, что приводимое в «Казанской истории» сравнение царицы с червем, точащим сладкое дерево, происходит из древнерусской «Пчелы», в которой это изречение приписано Соломону [14, с. 257; 54, с. 418]. Но только А.В. Аксанов в полной мере оценил степень насыщенности «Казанского летописца» библейскими реминисценциями. Его замечание о связи образа Мухаммед-Амина с библейским Иродом дает ключ к пониманию образа не только самого Мухаммед-Амина, но и его супруги Каракуш.

Нетрудно заметить, что автор Казанского летописца, подобно многим другим средневековым книжникам, смешал разных Иродов: Ирода Великого, которому приписывают избиение младенцев, и его внука Ирода Агриппу, который «был изъеден червями, умер»¹. Подобно Ироду Великому, Мухаммед-Амин устроил массовую резню невинных; события в Казани выглядят даже страшнее, ведь в Вифлееме убивали только младенцев, «зде же состаревшиеся мужи, и жены, и юноша младыя, и красныя отроковица, и младенца вкупе убивахуся» [32, с. 229]. Подобно Ироду Агриппе, казанский царь умирает в гное и язвах. Но автор «Казанского летописца», работая над своим поистине бессмертным произведением, явно имел в виду еще одного Ирода, которого тоже путал с двумя предыдущими.

Обратим внимание, что погром русских гостей в Казани произошло 24 июня, на день Рождества Иоанна Предтечи. Этот пророк, как известно, был обезглавлен сыном Ирода Великого Иродом Антипой по наущению царицы Иродиады. Для средневекового книжника такого рода «совпадения» не могли быть случайными – они раскрывали самую сокровенную суть событий. Если казанский царь все равно что Ирод, а Ирода подтолкнула к преступлению его жена, то и казанского царя должна была наущать на злые деяния его супруга. Этим же заодно можно было объяснить внезапную измену Мухаммед-Амина, до того всегда остававшегося лояльным Москве. Сходство Мухаммед-Амина

---

¹ Деян. 12: 21–23.

с Иродом в глазах московского литератора превращалось чуть не в тождество с учетом того, что казанский царь, подобно Ироду Антипе, женился на супруге своего брата! Правда, в отличие от Ирода, он не отнимал жены от еще живого брата, но для православного человека левират уже сам по себе выглядел предосудительным. И именно потому в «Казанской истории» инициатива этого «неканонического» по православным меркам супружества приписывается не Ивану III (как во всех других источниках), а самому Мухаммед-Амину; как мы видели выше, этот домысел впоследствии породил ряд других – о страстной влюбленности Мухаммед-Амина, о свидании в вологодской тюрьме, об изящной фигуре казанской царицы.

Образ Иродиады неоднократно использовался в христианской литературе. Иоанн Златоуст сравнивал с Иродиадой своего врага – императрицу Евдоксию. Написанное им в обличение Евдоксии «Слово о злых женах» («Опять Иродиада беснуется...») было очень популярно в Древней Руси. Обличение Златоустом злой жены начальника, которая «день и ночь нашептывает ему про убийства и козни, как Иродиада Ироду», имеет соответствие в тексте «Казанского летописца»: «И начать... шептати во уши царю, день и нощь, да отложится от великаго князя» [32, с. 228]. Этот факт неопровергимо доказывает, что автор «Казанской истории», работая над своим произведением, моделировал свой сюжет и своих героев по образцу истории об Ироде и Иродиаде.

Известно, что образ Ирода разнится синоптических Евангелиях. Согласно Марку, он «боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его» (Марк 6:20) и лишь настойчивость Иродиады подтолкнула его к преступлению. По Матфею же, Ирод еще до рокового танца Саломеи «хотел убить его, но боялся народа» (Матф. 14:5). Можно сказать, у автора Казанского летописца, равно как и у Татищева, образ Мухаммеда-Амина более «марковский», инициатива в совершении злодеяниями целиком отводится его супруге; в то же время, Щербатов и Карамзин в своих нарративах скорее тяготеют «к Матфею» и представляют Мухаммед-Амина значительно более активным. Но ни «марковский», ни «матфеевский» образы Мухаммед-Амина не имеют отношения к исторической реальности. Это же верно и в отношении Каракуш: ее «иродиадский» образ – это литературный костюм, надетый на нее автором «Казанского летописца».

Подведем итог. Рассказ «Казанского летописца» о событиях 1505 года написал более полсотни лет спустя, он построен на основе библейской истории об Иродиаде, подталкивающей мужа на преступление, и он не подтверждается ни единственным источником. Этого более чем достаточно, чтобы отказать этому памятнику в исторический достоверности если не целиком, то по крайней мере касательно рассказа о влиянии Каракуш на выступление Мухаммед-Амина против Ивана III.

Таким образом, достоверных сведений о Каракуш оказывается совсем не много, и ее научно выверенную «биографию» можно уместить буквально в одном абзаце. Ни дата ее рождения, ни время смерти неизвестны. Отцом ее был ногайский мурза Ямгурчи. Выданная замуж казанского царя Ильхама, она вместе с ним в 1487 году после первого казанского взятия была приведена пленницей в Москву, а затем сослана в заточение в Вологду. Ее отец настойчиво добивался у Ивана III ее освобождения. После смерти Ильхама и вто-

ричного воцарения Мухаммед-Амина в Казани в 1502 году она была выдана замуж за нового казанского владыку. Дальнейшая ее судьба неизвестна, о ее роли в московско-казанском конфликте 1505–1507 гг. достоверных данных нет. Таким образом, нет оснований говорить ни о «прелуковой змее», ни «свободолюбивой и властной» царице – «патриотке».

Многого о Каракуш мы не знаем и, может быть, не узнаем уже никогда. Но, как писал великий Шлецер, лучше не знать, чем быть обманутым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования: Монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
2. Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань, 2001. 76 с.
3. Ахмеров Г.Н. Избранные труды. Казань: Татарское книжное издательство, 1998. 239 с.
4. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1952. 542 с.
5. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть первая. 2-е изд. СПб., 1863. XIII. 558 с.
6. Илюшин Б.И. Мухаммед-Эмин, «царь» казанский. Биографический очерк. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 168 с., 10 с. ил.
7. Илюшин Б.И. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Логос, 2021. 428 с.
8. Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 215 с.
9. Иоасафовская летопись / Под ред. А.А. Зимина. М.: Изд. Акад. Наук, 1957. 239 с.
10. История татар. В 7 томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1080 с.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Изд. 5 Книга 2. Т. 6. СПб., 1842. 228 с., разд. паг.
12. Клосс Б.М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. / Летописи и хроники. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 264–282.
13. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 488 с.
14. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. 682 с.
15. Латухинская Степенная книга. 1676 год. М.: Языки славянской культуры, 2012. 881 с.
16. Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 17. М., 2014. 496 (VIII) с.
17. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 283 с.
18. Лызлов А.И. Скифская история. М.: Наука, 1990. 518 с.
19. Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1953. Т. 9. С. 266–288.
20. Моисеева Г.Н. Казанская история / Казанская история. Под ред. В.П. Адриановой-Пететц. М.-Л. Изд. Акад. наук, 1954. 191 с.
21. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 354 с.
22. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР. Т. 3 Вып. 1 2-е изд. М.-Л.: Изд-во Акад. Наук, 1959. 707 с.
23. Пекарский П. Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб., 1864. 66 с.

24. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв. (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. 331 с.
25. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. IV. Ч. 1. Новгородская IV летопись. Вып. 1. Л., 1925. С. 321–536.
26. ПСРЛ. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853. 358 с.
27. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. I–VIII, 240 с.
28. ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. 302 с.
29. ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1901. 266 с.
30. ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. 540 с.
31. 31. ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913. 321 с., разд. паг. (III с., 316 с.).
32. ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. 546 с.
33. ПСРЛ. Т. XIX (б). История о Казанском царстве. Изд. 2-е. М., 2000 разд. паг. (IV–XI, 328 с.).
34. ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. Часть первая. СПб., 1910. 418 с.
35. ПСРЛ. Т. XXI. Степенная книга царского родословия. Часть вторая. СПб., 1913. 708 с.
36. ПСРЛ. Т. XXII. Русский хронограф. Часть первая. СПб., 1911. 568 с.
37. ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910. 239 с.
38. ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. Петроград, 1921. 271 с.
39. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд. Акад. Наук, 1949. 464 с.
40. ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: Изд. Акад. Наук, 1959. 412 с.
41. ПСРЛ. Т. XXVII. Никаноровская летопись; Сокращённые летописные своды конца XV века. М.: Изд. Акад. Наук, 1962. 417 [1] с.
42. ПСРЛ. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 года. Летописный свод 1518 года (Уваровская летопись). М.-Л.: Изд. Акад. Наук, 1963. 410 с.
43. ПСРЛ. Т. XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 389 с.
44. ПСРЛ. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 272 с., разд. паг.
45. ПСРЛ. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 262 с.
46. ПСРЛ. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. М.-Л., 1965, 240 с.
47. ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 227 с.
48. ПСРЛ. Т. XXXIX. Софийская I летопись по списку И. Н. Царского. М.: Наука, 1994. 208 с.
49. Посольские книги по связям России с Ногайской ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.
50. Разрядная книга. 1475–1598. М.: Наука, 1966. 614 с.
51. Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. Казань, 1848. 149 с.
52. Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времян. СПб., 1767.
53. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскую и Ногай-

скою ордами и с Турцией. Т. 1. С 1476 по 1505 г., эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884. 640 с., с разд. паг. (558 с., 82 с.).

54. Семенов В. Древняя русская Пчела по пергаменному списку // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук 1893 Т. 54, № 1 444 с.

55. Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII веков. Альянс-Архео. М., СПб., 2010 545 с.

56. Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731–1759 гг.) / История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.). Алматы. Дайк-пресс. 2005. 484 с.

57. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 3 Т. 5–6. История Российской с древнейших времен. М.: Мысль, 1989 783 с.

58. Татищев В.Н. Записки. Письма. М.: Наука, 1990 440 с.

59. Татищев В.Н. История Российской с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 1 М.: Академический проект, 2016 403 с.

60. Татищев В.Н. История Российской с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 6 М.: Академический проект, 2018 (а). 557 с.

61. Татищев В.Н. История Российской с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 7 М.: Академический проект, 2018 (б). 579 с.

62. Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российской с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 1 М.: Академический проект, 2016 С. 46–64.

63. Трапавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: «Восточная литература», 2002. 752 с.

64. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. (Древность и средневековые). Казань: Магариф, 2000. 255 с.

65. Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.

66. Фукс К.Ф. Краткая история города Казани. Казань, 1817.

67. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923). М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.

68. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Унив. тип., 1877. [4], X, 586, XVI с.

69. Щербатов М.М. История Российской от древнейших времен. Т. 4 Ч. 2 СПб., 1783. 544 с.

70. Ядро Российской истории. СПб., 1784. 392, [6] с.

71. Herberstein Sigismund von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand Basel 1556 und Wien 1557. Redigiert und herausgegeben von Hermann Beyer-Thoma. München 2007.

REFERENCES

1. Aksanov A.V. Kazan Khanate and Muscovite Rus': Interstate relations in the context of hermeneutical research: Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 288 p. (In Russian)
2. Alishev S.Kh. Sources and historiography of the city of Kazan. Kazan, 2001. 76 p. (In Russian)
3. Akhmerov G.N. Selected works. Kazan. Tatar book Publ., 1998. 239 p. (In Russian)

4. Bazilevich K.V. Foreign policy of the Russian centralized state. Second half of the 15th century. Moscow: Moscow State University Publ., 1952. 542 p. (In Russian)
5. Velyaminov-Zernov V. V. Research on the Kasimov kings and princes. Part 1. 2nd ed. St. Petersburg, 1863. xiii+558 p. (In Russian)
6. Ilyushin B.I. Muhammad-Emin, “Tsar” of Kazan. Biographical essay. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 168 p., 10 p. of illustrations. (In Russian)
7. Ilyushin B.I. Kazan Wars of Vasily III: Monograph. Kazan: Logos, 2021. 428 p. (In Russian)
8. John Chrysostom in Old Russian and South Slavic writing of the 11th–16th centuries. Catalog of homilies. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998 215 p. (In Russian)
9. Joasaph Chronicle. Ed. A.A. Zimin. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1957. 239 p. (In Russian)
10. History of the Tatars. In 7 volumes. Vol. 4. Tatar states in 15th–18th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1080 p. (In Russian)
11. Karamzin N.M. Iстория государства Российского. 5th ed., Book 2, Vol. 6. St. Petersburg, 1842. 228 p. (In Russian)
12. Kloss B.M. Vologda-Perm chroniclers of the 15th century. Chronicles and annals. M. N. Tikhomirov and chronicle history. Moscow: Nauka, 1976, pp. 264–282. (In Russian)
13. Collingwood R.J. The Idea of History. Moscow: Nauka, 1980, 488 p. (In Russian)
14. Kuntsevich G.Z. History of the Kazan Kingdom, or the Kazan Chronicler. St. Petersburg, 1905. 682 p. (In Russian)
15. Latukhinskaya Royal Degree Book. 1676 Moscow: Languages of Slavic Culture, 2012. 881 p. (In Russian)
16. Illustrated chronicle vault of the 16th century. Book 17. Moscow, 2014, viii+496 p. (In Russian)
17. Lurie Y.S. All-Russian chronicles of the 14th–15th centuries. Leningrad: Nauka, 1976. 283 p. (In Russian)
18. Lyzlov A.I. Scythian history. Moscow: Nauka, 1990. 518 p. (In Russian)
19. Moiseeva G. N. Author of “Kazan History”. In: Proceedings of the Department of Old Russian Literature, vol. 9. Moscow-Leningrad, 1953, pp. 266–288. (In Russian)
20. Moiseeva G.N. Kazan history. In: Kazan history. Ed. V. P. Adrianova-Petetz. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1954. 191 p. (In Russian)
21. Nasonov A.N. History of Russian chronicles of the 11th – early 18th centuries. Essays and research. Moscow: Nauka, 1969. 354 p. (In Russian)
22. Description of the manuscript department of the Library of the USSR Academy of Sciences, vol. 3, iss. 1. 2nd ed. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 707 p. (In Russian)
23. Pekarsky P. New news about V.N. Tatishchev. St. Petersburg, 1864. 66 p. (In Russian)
24. Peretyatkovich G.I. Volga region in the 15th and 16th centuries. (essays on the history of the region and its colonization). Moscow, 1877. 331 p. (In Russian)
25. Complete Collection of Russian Chronicles (PSRL). Vol. 4, Part 1: 4th Novgorod Chronicle. Iss. 1, Leningrad, 1925, pp. 321–536. (In Russian)
26. PSRL. Vol. 6: Sofiyskie Chronicles. St. Petersburg, 1853. 358 p. (In Russian)
27. PSRL. Vol. 6, Issue 2: Sofiyskaya 2nd Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 2001. viii+240 p. (In Russian)
28. PSRL. Vol. 8: Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky List.. St. Petersburg, 1859. 302 p. (In Russian)
29. PSRL. Vol. 12: Chronicle Collection Known as the Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg, 1901. 266 p. (In Russian)

30. PSRL. Vol. 15: Chronicle Collection Known as the Tver Chronicle. St. Petersburg, 1863. 540 p. (In Russian)
31. PSRL. Vol. 18: Simeon Chronicle. St. Petersburg, 1913. III+316 p. (In Russian)
32. PSRL. Vol. 19: History of the Kazan Tsardom (Kazan Chronicler). St. Petersburg, 1903. 546 p. (In Russian)
33. PSRL. Vol. 19b: History of the Kazan Tsardom, 2nd ed. Moscow, 2000. iv-xi+328 p. (In Russian)
34. PSRL. Vol. 20: Lvov (Lviv) Chronicle, Part 1. St. Petersburg, 1910. 418 p. (In Russian)
35. PSRL. Vol. 21: “Stepennaya Kniga” of the Royal Genealogy, Part 2. St. Petersburg, 1913. 708 p. (In Russian)
36. PSRL. Vol. 22: Russian Chronograph, Part 1. St. Petersburg, 1911. 568 p. (In Russian)
37. PSRL. Vol. 23: Ermolinskii Chronicle. St. Petersburg, 1910. 239 p. (In Russian)
38. PSRL. Vol. 24: Tipograf Chronicle. St. Petersburg, 1921. 271 p. (In Russian)
39. PSRL. Vol. 25: Moscow Chronicle Compilation of the Late 15th Century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1949. 464 p. (In Russian)
40. PSRL. Vol. 26: Vologda-Perm Chronicle. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 412 p. (In Russian)
41. PSRL. Vol. 27: Nikanor Chronicle; Abbreviated Chronicle Compilations of the Late 15th Century. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 417 p. (In Russian)
42. PSRL. Vol. 28: Chronicle Compilation of 1497; Chronicle Compilation of 1518 (Uvarov Chronicle). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 410 p. (In Russian)
43. PSRL. Vol. 29: Chronicler of the Beginning of the Reign of Tsar and Grand Prince Ivan Vasilyevich; Alexander Nevsky Chronicle; Lebedev Chronicle. Moscow: Nauka, 1965. 389 p. (In Russian)
44. PSRL. Vol. 30: Vladimir Chronicle; Novgorod 2nd (Archival) Chronicle. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2009. 272 p. (In Russian)
45. PSRL. Vol. 31: Chroniclers of the Last Quarter of the 17th Century. Moscow: Nauka, 1968. 262 p. (In Russian)
46. PSRL. Vol. 33: Kholmogory Chronicle; Dvinsk Chronicler. Moscow-Leningrad, 1965. 240 p. (In Russian)
47. PSRL. Vol. 37: Ustyug and Vologda Chronicles, 16th–18th Centuries. Leningrad: Nauka, 1982. 227 p. (In Russian)
48. PSRL. Vol. 39: Sofiyskaya 1st Chronicle according to the I. N. Tsarsky Copy. Moscow: Nauka, 1994. 208 p. (In Russian)
49. Embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo, 1995. 360 p. (In Russian)
50. Razriady (books) 1475–1598. Moscow: Nauka, 1966. 614 p. (In Russian)
51. Rybushkin M. S. A brief history of the city of Kazan. Kazan, 1848. 149 p. (In Russian)
52. Rychkov P.I. Attempt to the Kazan history of ancient and middle times. St. Petersburg, 1767. (In Russian)
53. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41. Documents of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers. Documents of diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nogai hordes and with Turkey. Vol.1. From 1476 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia. St. Petersburg, 1884. 558+82 p. (In Russian)
54. Semenov V. Ancient Russian “Bee” according to the parchment list. In: Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences 1893 Vol. 54, no. 1 444 p. (In Russian)

55. Sirenov A.V. Royal Decree book and Russian historical thought of the 16th–18th centuries. Alliance-Archeo. Moscow-St. Petersburg, 2010 545 p. (In Russian)
56. Official and research materials of the Russian diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of the Kazakh steppe (1731–1759). History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries. Volume 3. Journals and official notes of diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of Kazakhstan (1731–1759). Almaty. Daik-Press. 2005. 484 p. (In Russian)
57. Soloviev S. M. Sochineniia. In 18 books. Book 3 Vol. 5–6. Russian history from ancient times. Moscow: Mysl, 1989 783 p. (In Russian)
58. Tatischev V.N. Letters. Moscow: Nauka, 1990 440 p. (In Russian)
59. Tatischev V.N. Russian History from the Earliest Times. In 7 vols. Vol. 1. Moscow: Akademicheskii proekt, 2016 403 p. (In Russian)
60. Tatischev V.N. Russian History from the Earliest Times. In 7 vols. Vol. 6. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018 (a). 557 p. (In Russian)
61. Tatischev V.N. Russian History from the Earliest Times. In 7 vols. Vol. 7. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018 (b). 579 p. (In Russian)
62. Tikhomirov M.N. About Russian sources of “Russian History”. In: Russian History from the Earliest Times. In 7 vols. Vol. 1. Moscow: Akademicheskii proekt, 2016, pp. 46–64. (In Russian)
63. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002. 752 p. (In Russian)
64. Fakhrutdinov R. G. History of the Tatar people and Tatarstan. (Antiquity and Middle Ages). Kazan: Magarif, 2000. 255 p. (In Russian)
65. Firsov N.A. Foreign population of the former Kazan kingdom in new Russia until 1762 and the colonization of the Trans-Kama lands at that time. Kazan, 1869. (In Russian)
66. Fuchs K.F. A brief history of the city of Kazan. Kazan, 1817. (In Russian)
67. Khudyakov M.G. Essays on the history of the Kazan Khanate, 3rd edition, supplemented. Reproduced from the text of the 1st edition (Kazan. Combine of publishing and printing, 1923). Moscow: INSAN, Sovet po sokhraneniui i razvitiui kul'tur malykh narodov, SFK, 1991. 320 p. (In Russian)
68. Shpilevsky, S. M. Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan province. Kazan: Univ. typ., 1877. iv+x+586+xvi p. (In Russian)
69. Shcherbatov M.M. Russian history from ancient times. Vol. 4. Part 2. St. Petersburg, 1783. 544 p.
70. The core of Russian history. St. Petersburg, 1784. 392+6 p. (In Russian)
71. Herberstein Sigismund von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptic edition of the Latin and German versions from Basel 1556 and Vienna 1557. Edited and published by Hermann Beyer-Thoma. Munich 2007. (In Latin and German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Николаевич Аряев – независимый исследователь (Зальфельд, Германия); ORCID: 0000-0002-8394-5856. Email: l.aryayev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid N. Aryayev – Independent Researcher (Saalfeld, Germany); ORCID: 0000-0002-8394-5856. Email: l.aryayev@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 25.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 03.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025